

только этих двух писателей. Сравнение героев и тиранов с хищными зверями — львами и тиграми — общее место французской просветительской публицистики. Этот метафорический прием тонко обыграл А. С. Пушкин в статье «Александр Радищев», писавший о нем: «Увлеченный однажды львиным ревом колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра».⁴³ Подобные метафоры любил и Мармонтель: в «Рассуждении» он называл тиграми русских помещиков. Проповеди Велизария, обращенной к государям, в романе Мармонтеля предшествует мелодраматическая сцена встречи ослепленного старца с его супругой Антониной, тут же умирающей с горя. Антонина проклинает «власть тигров», так люто расправившихся с ее мужем: «Чудовища! вот чем его наградили! <...> Его преступление в том состоит, что он сохранил им ненавистную власть мучительства <...> Какое зверство! какая ужасная подлость! <...> Двор мерзостями наполненной! Совет из тигров составленной! <...> О боже! таково ли твое правосудие? Зришь ли, кого утеснить попускаешь, и кого оставляешь благоденствовать».⁴⁴ Почти так же литературно оформленный вопль души автора предваряет и «Сон» в «Спасской Полести»: «О варвары, тигры, змеи лютые, грызите сие сердце <...> Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы в толь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикия производилися жестокости? <...> О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров. Они крестятся во имя твое, кровавые приносят жертвы злобе. Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущие казни, усугубил бы казнь настоящую» (I, 247—248).

Мармонтель писал Екатерине 12 сентября 1767 г.: «Перевод Велизария на русский язык <...> это <...> памятник, сооруженный царской власти. Ни при одном дворе в мире истине не было оказано подобного почета».⁴⁵ Последний абзац главы «Спасская Польша» — тоже обращение к Екатерине — прямо отрицает это утверждение: «Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбаешься с насмешкою, или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница, отлетела от тебя далеко, и чертогов твоих гнушается» (I, 257). Мармонтель писал Екатерине 7 октября 1768 г. о своем стремлении в главе IX «Велизария» «доказать царям, что их могущество, их величие, их слава требуют, чтоб они были справедливы, и что они становятся самыми зависимыми, самыми несчастными из невольников, как только допущено страстям занять место законов».⁴⁶ Это и происходит с царем в радищевском «Сне».

⁴³ Пушкин А. С. Александр Радищев, с. 34.

⁴⁴ Велизер... с. 61—62.

⁴⁵ Сборник Русского исторического общества, т. 10, с. 80.

⁴⁶ См.: Щабельский П. К. Екатерина II как писательница. IV. Велизер, с. 49.